

Мысль о том, что только в звуке сохранится суть жизни поэта, повторена не раз в творчестве Державина, и особенно в его знаменитом произведении «Евгению. Жизнь Званская», в последних стихах. После того как он описал свой богатый ощущениями день на Званке, который к вечеру навел его на пророческие размышления о разрушении «сего дома» после его смерти, поэт, обращаясь к Евгению, который уже «слышал» стихи, несшиеся «через холмы, доли, нивы» от лиры Державина «шумящею рекой», просит его только об одном:

Шепнешь вслух страннику, вдали как тихий гром:
«Здесь Бога жил певец, — Фелицы»

В рукописях поэта существует и другое произведение, навеянное впечатлениями, связанными со Званкой. Оно также воспроизводит рождение вдохновения, которое возникает у него утром при виде пейзажа, окружающего Званку: при этом к образу старца на холме присоединяется представление о поэте как о «барде», восходящее к трудам Макферсона. В этом до сих пор не опубликованном произведении «Утренняя заря» он опять-таки симптоматически связывает себя с речной стихией.

«Утренняя заря сверкала уже из-за синих гор и возвещала румяною своею улыбкою прекрасный осенний день; как Волховской бард вышел из кленовой своей кущи на набережный холм; вознеслося против чела его солнце за прядями по голубой реке звезды. Стоящие по другой стороне дубы, наклонясь на зеркало струи, от легкаго веяния ветерков, как будто проснувшись, зыблились в них головами своими. Дальние рощи подобно островам выходили из среды волнующихся вокруг их туманов, которые становились отчасу реже и наконец совсем исчезли. Повсюдный блеск лучей наполнил обзор ока. Полосатые луга и нивы, ходящие по ним разношерстные стада; багряно-желтые и еще зеленоватые на деревьях, а паче розовые на осиннике листья, двойною пестротой своею на земле и на водах мелькающие, поражали взор и удивляли. Курящиеся серным дымом, по разным пологим горкам, разбросанные маленькие деревни, между которыми виделись безчисленные загороди недавно окошенного сена, а по гумнам сплоченные скирды хлеба, наиболее внимания его на себя обращали. Но в какой он пришел восторг, когда с высот на дальнем пространстве услышал: там рев, бляение, ржание, топот скота, крик толпящихся по загонам гусей, там зов охотничьего рога и лай псов, там гул, бегущий по водам от рыболовов, на тысячи челнах разъезжавших и колотивших в корм свой, рыб в сети загоняющих, а также играющее эхо от пастушеских их свирелей и пение нимф. Как обездушенный, как (нрзб.) в безмолвном радостном испуглении, стоял он долго недвижим. Но пришел в себя, возвратился в кущу, взял струницу и возгласил: